

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Р 82

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Рубина, Дина.

Р 82 Двойная фамилия : рассказы / Дина Рубина. —
Москва : Эксмо, 2014. — 144 с. — (Дина Рубина. Со-
брание сочинений).

ISBN 978-5-699-76399-3

Но вот один вопрос я бы ей задал. Наверное, трудно, спро-
сил бы я, носить под сердцем ребенка от одного мужика, а
обнимать другого. Наверное, трудно, спросил бы я, говорить
при этом нежно: «Наш маленький...» Наверное, трудно, очень
трудно улыбаться, когда мужчина бережно притрагивается к
большому, драгоценному для него животу, чтобы почувство-
вать толчки чужого ребенка?.. А, ладно!..

Словом, в положенный день я сложил в пакет необхо-
димые для младенца вещички, все честь по чести, и пошел в
роддом. Между прочим, даже с цветами. Уж что-что, думал я, а
цветы она заслужила, все-таки настрадалась, человека родила,
моего — не моего, какая разница, боль одна.

Дина Рубина

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-76399-3

© Д. Рубина, 2014
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2014

Двойная фамилия

— **А** в чем, собственно, дело, сказал я ему, чем тебя смущает моя двойная фамилия?

В конце концов твою я взял, вот она, красуется в паспорте, вполне благозвучная, — Воздвиженский. Хоть поклоны бей. А? Я говорю — хорошая, звучная, церковно-славянская...

Ты смотри на дорогу, сказал я ему, а то мы в дерево врежемся...

Да, мамина не такая звучная, но, понимаешь, меня все-таки мать воспитывала. Да если хочешь знать, сказал я ему, я б и фамилию Виктора себе присобачил, только боюсь, что на строчке не поместится. И потом тройную уже вряд ли кто запомнит. Особенно в армии, представляешь, как

меня из строя вызывать или на гауптвахту сажать? Так что не переживай, сказал я ему, вполне прилично: Крюков-Воздвиженский.

Не дуйся, что тебе — тесно? Неуютно?.. Почему — глупо? А Голенищев-Кутузов, сказал я ему сразу, а Лебедев-Кумач, а Борисов-Мусатов, а Римский-Корсаков? А Семенов-Тянь-Шанский, а Мусин-Пушкин? Ну?

Да, я начитался, сказал я ему. Есть такая слабость. Вот именно, не порок. И даже, как принято считать, — достоинство...

...Ну конечно, изменился, сказал я ему, мы ж три года не виделись. Я ж расту, па, сказал я ему, я в принципе живу дальше...

И пусть тебя моя двойная фамилия не тревожит. На Западе, знаешь, почти у каждого человека двойное или даже тройное имя. Почему это тебе плевать на Запад, поинтересовался я, плевать никуда и ни в кого не следует, па, это некрасиво. А то плюнешь, сказал я ему, и попадешь ненароком в Эриха Марию Ремарка, или в Федерико Гарсиа Лорку, или в Габриэля Гарсиа Маркеса. Будет неловко... Запад люблю? Конечно, люблю, па, я все люблю: и Запад, и Восток, и Юг, и Север.

Я не дер-зую, сказал я ему, я поле-мизи-рую. И потом у меня ж переходный возраст еще не кончился, так что не расстраивайся.

Да ты смотри на дорогу, сказал я ему, мы же о столб шмякнемся!

...Ой, не спрашивай, не бреди открытую рану. Еле переполз. По алгебре трояк, по физике — переэкзаменовка. Мать надеется, что за лето ты со мной подзанимаешься. Думаю, это был решающий момент в пользу моей поездки к тебе. Ты же знаешь, сказал я ему, она всегда косо смотрела на эти поездки.

По химии тоже трояк, но более жизнеспособный...

Знаешь, сказал я ему, сам удивляюсь, в кого я такой тупой? Все-таки мать — конструктор, баба толковая, ты у меня вообще: не кот начихал, изобретатель с медалями, три кило патентов. А я как увижу эти ряды формул, так мне тошно становится, вот здесь, под ложечкой. Упрусь взглядом в цифры и ничего не хочу понимать. Организм протестует. Ну почему я должен ползти к этому дурацкому аттестату, почему?!

По сути дела, сказал я ему, происходит многолетнее насилие над человеческой личностью... Как — над чьей? Над моей, конечно! Чего ты смеешься? Это очень серьезно. У меня надорванная психика.

Ну, по литературе, по истории пятерки, конечно, сказал я ему, а что толку? Недавно доклад сделал, историчка просила: «Отражение истории Российского государства в полотнах русских художников». Да, ничего вроде получилось. Бегло, конечно, очень общо, сказал я ему, разве можно такую тему за полтора часа охватить... Репродукции Виктор дал, это ж его хлеб, у нас тьма альбомов дома.

Устроили, конечно, из этого мероприятие, согнали три девятых класса, историчка сидела на задней парте и тихо млела — ей же это засчитывается за внеклассную работу. А вообще, па, все это чепуха, сказал я ему...

Ни за что! Делать из этого профессию? Быть, как Виктор, каким-нибудь искусствоведом или литературоведом? Да ты что, па, ты меня не уважаешь, сказал я ему. Всю жизнь насиловать искусство только потому, что у меня неплохо

подвешен язык и я прилично разбираюсь в живописи?.. Нет уж, спасибо. Существовать в искусстве достойно можно, только создавая что-то свое. А понимание — это всего лишь неплохие мозги, разве можно *понимание* искусства делать профессией? И потом, я как услышу это слово — искусствовед, мне смешно становится. Представляю себе такого типа, который искусством ведает, вроде завхоза со связкой ключей. Нет и нет!

А талантов, сказал я ему, никаких за мною не водится, увы...

А никем не хочу... Нет, правда, никем не хочу быть. Ну, ты меня серьезно спрашиваешь, а я серьезно отвечаю.

Нет, ты не так понял. Не в смысле плевать в потолок. Не хочу всю жизнь быть к чему-то привязанным: к месту работы, к такой-то квартире по такому-то адресу, к такой-то женщине, записанной в моем паспорте. Это, по сути дела, крепостное право... Как представляю? А вот как, сказал я ему: я — свободен, совсем, передвигаюсь куда хочу, когда хочу и как хочу, зарабатываю необходимый минимум на хлеб, картошку и книги

как получится — где вагон разгружу, где на прополку овощей наймусь... У нас такая личность называется «бич» и преследуется законом, а вот во Франции очень принято, например, наняться на сезон в Голландию — тюльпаны сажать.

Ну что ты заладил, па, сказал я ему, «смотришь на Запад!». Я крутом смотрю, не только на Запад. Я смотрю вокруг себя, сказал я ему, а не только в указанном направлении, хотя мне с детства направление пытались указывать все кому не лень. Родители — еще туда-сюда, куда их денешь, сказал я ему, но вот тебя хватают за шиворот, суют в общий вагон, и всех в одном направлении: сначала октябрятская звездочка, потом дружный коллектив класса, потом комсомольская ячейка института, и так до конца жизни». Ой-ой-ой, испугал: единоличник! Надеюсь, сказал я ему. Надеюсь, что я — единоличник. Все, что сделано в искусстве и науке, сделано единоличниками.

Ну ладно, сказал я ему, не пугайся. У тебя, па, вид такой обескураженный. Думаешь, наверное, что я попал в лапы наших врагов. Мало ли чего я болтаю, сказал я ему, возраст такой, переходный,

и три года мы не виделись. Ты меня здесь за лето обстругаешь и отполируешь до зеркального блеска. Смотри на дорогу... Грузила новые купил? Молоток... Помнишь, на Голубых озерах цаплю, похожую на твоего Кирилл Саныча! Ох, умора! Па, а правда у меня совсем уже бас установился? Почему это — баритон? Бас, бас, сказал я ему, натуральный бас Нас с Виктором почему-то путают по телефону, говорят — голоса похожи. Помоему, совсем не похожи... При чем тут Виктор?

Дома как? Нормально дома... Мама? Ну ты же знаешь, сказал я ему, мама всегда больна...

«...В самом деле, и чего я привязался к нему с этой двойной фамилией? Просто в тот момент, когда он с гордостью продемонстрировал новенький, словно отутюженный паспорт с этой самой фамилией-поездом, меня вдруг как обухом: он все знает!

Боже мой, как я его ждал! Как я выпцарапывал его *оттуда* в это лето телефонными звонками, письмами, телеграммами. Я отправил на дорогу всю премию, хотя на билет хватило бы ее пятой

части. До вчерашнего дня я так и не был уверен, что они отпустят его. Ведь изобретали же они причины все эти три года.

Ничего, ничего, я просто перенервничал. Все в порядке, шеф, все в полном порядке. Досадный срыв — не спал две ночи, с утра гонял на рынок за фруктами, драил свою берлогу и все время думал: теперь он взрослый парень, взрослый. Мы же три года не виделись. Он с такой щенячьей гордостью показал мне паспорт со своей двойной фамилией, черт бы меня подрал. И я вдруг глупо прицепился к нему, дурак, жалкий старый дурак!

Да, я растерялся. Хотя при чем тут двойная фамилия? Вот при чем: запахло жареным. Столько лет я частенько в мыслях жалел Виктора, да, мне в голову не приходило жалеть себя. Я так и думал этими словами: «бедняга Виктор», думал я. А тут, когда в самую точку было бы пожалеть Виктора именно сейчас, я испугался. Я понял впервые, что чувствуешь, когда тебя прошибает холодный пот.

...Ну что ж, наивно думать, что мальчик проживет всю жизнь, так и не узнав правды. Это не-

справедливо по отношению к нему. Когда-нибудь придется все рассказать, расставить по местам каждого из нас, разъяснить эту дикую ситуацию, разобрать по камешкам крепость лжи, возведенную для его спокойствия. И что говорить при этом? Доведись мне — что бы я сказал ему?

Видишь ли, мужик, мы лгали во имя тебя, сказал бы я ему. Ради тебя трое взрослых людей поддерживают доброжелательные отношения по телефону, договариваются о разных бытовых мелочах, обсуждают твой характер и планы на будущее, — трое взрослых, которым давно хочется забыть друг о друге...

Видишь ли, мужик, сказал бы я ему, начинать-то надо не с тебя, а с того, что восемь лет тебя не было, и с каждым годом таяла надежда, что когда-нибудь ты появишься. Мама всегда была больным человеком — почки, гипертония, то, се, а главное, органы, которые предназначены для этого дела, ну, ты взрослый парень, сам понимаешь... Восемь лет...

Да, сказал бы я ему, это верно, мы неважно жили с твоей мамой. Не сразу, конечно, но наша

таящая надежда теплилась, как чахоточная девочка в семье. Знаешь, это подтачивает отношения мужчины и женщины. Нет, конечно, есть семьи, прекрасно существующие без детей, но здесь другой случай.

Словом, когда надежда на твое появление совсем зачала, тут ты и забрезжил. В один прекрасный для меня день. Врачи уверяли, что наш случай один на тысячи. И тогда я подумал: мой ребенок должен быть чертовски везучим, если ему удалось возникнуть и выжить тогда, когда это не удастся тысяче другим. Мой ребенок будет счастливчиком, думал я, ведь ему уже повезло. И я стал ждать тебя. Я неистово ждал тебя, мужик, сказал бы я ему, для меня уже тогда ты был не смутным зреющим комочком, а конкретным человеком, личностью, уже совершившей поступок тем, что крохотной клеточкой уцепился за жизнь на краю небытия и выжил.

Знаешь, мужик, сказал бы я ему, вот тогда все изменилось у нас. Твоя мать стала вдруг очень нежна со мной. Ее обычная раздражительность растворилась в нашем общем ожидании тебя. Ну что ж, говорил я себе, значит, это правда, что

женщина становится мягче и трепетнее в этот период. Ты уже взрослый парень, мужик, сказал бы я ему, бойся внезапной женской нежности. Это нежность подползающего удава, заранее жалеющего свою жертву.

У меня нет ненависти к твоей матери, мужик, сказал бы я ему. Просто у нас с ней свои счёты, и не твоего ума это дело.

Да, это правда, что я не забыл и не простил ей никогда, но — Не-предательства, нет — все мы слабые люди, сынок, и всякое может случиться с человеком; я не простил ей этой обдуманной нежности. И в дальнейшем я не прощал этого всем женщинам, которых встречал на своей дороге. Поэтому я один, мужик, сказал бы я ему...»

...— Мама? Ну, ты же знаешь — мама всегда больна, поэтому проживет дольше нас всех. Почему груб? Я не груб, сказал я ему, а критичен. Мать я люблю, она меня вырастила, просто объективно оцениваю действительность. Вот кто правда сдал в последнее время — это Виктор. Кажется, я писал тебе, что полгода назад его

трахнул небольшой инфаркт? Словечко? Да брось ты, па, сказал я ему, это не хамство, я прост и суров. Ты просил рассказать, как дома, я рассказываю.

Так вот, Виктор... После этого инфаркта он постарел, как будто разом от всего устал. Он вполне приличный дядька, ты же знаешь, мы с ним всегда ладили, а в последнее время он стал угрюмый, вспыльчивый, пару раз даже стычки у нас были... Ну и что? Больной не больной, это не повод орать.

Что на днях было, к примеру: сидели мы на кухне, завтракали. Я, не помню уже по какому поводу, говорю матери, мол, что за имя вы с отцом мне выбрали — Филипп! Дура классная уже раза два остроила, что мой аттестат будет филькиной грамотой. Не могли назвать каким-нибудь нормальным Сашей или Димой?

А мать мне на это, довольно мирно, между прочим, говорит: зато, мол, этих Саш и Дим в каждом классе по пять штук, а ты такой один на всю школу... Ой, па, ей-богу, смотри ты на дорогу, сказал я ему, что ты каждую минуту на меня вытираешься!

Так вот... А я тут и говорю ей: тогда надо было назвать меня Остеохондроз, я был бы один такой на весь земной шар. Нормально схохмил? Вот. Был бы, говорю, Остеохондроз Георгиевич Крюков-Воздвиженский... Дело в том, что, понимаешь, мать разыскала у себя новую болячку, этакую милягу — остеохондроз. Целыми днями только и слышишь: остеохондроз там, остеохондроз здесь. Он прямо как член семьи у нас поселился. Ну ты же знаешь, когда мать увлекается какой-нибудь новой болезнью, она делает это вдохновенно и с большой душевной отдачей.

Нет, ты не подумай, сказал я ему, мать я вообще-то жалею, но больше всех ее жалеет она сама. Ой, ну ладно, дай дорасскажу, потом насчет сострадания выдашь.

Только я пошутил про этот самый остеохондроз, Виктор вдруг ни с того ни с сего ка-ак шархнет кулаком по столу и давай нести всякую ахинею: тра-та-та благодарность, ну ни к селу ни к городу, а главное, совсем не из своей оперы. Какой-то воспитательный момент из плохой телевизионной киношки. Я даже оторопел. Так и та-